

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/19986645/96/9

Образ Хлопуши в русской литературе: этапы формирования национального типа

Инесса Николаевна Коржова¹, Дмитрий Владимирович Поль²

¹ *Московский университет «Синергия», Москва, Россия*

² *Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия*

¹ *clean24@yandex.ru*

² *pol-d-v@yandex.ru*

Аннотация. Рассмотрено формирование в литературе образа участника пугачевского восстания Хлопуши (Афанасия Соколова). В произведениях XIX – начала XXI в. образ обретает ряд константных черт и может претендовать на статус национального типа. Литературный Хлопуша сочетает в себе черты бунтаря и мудреца, значимо его крестьянское происхождение, усилены его роль в восстании и близость к Пугачеву. Концептуализации образа в наибольшей степени способствовали произведения А.С. Пушкина и С.А. Есенина.

Ключевые слова: Пугачев, Хлопуша, самозванство, исторический образ, национальный тип, мифологизация, тип бунтаря, авантурный сюжет

Для цитирования: Коржова И.Н., Поль Д.В. Образ Хлопуши в русской литературе: этапы формирования национального типа // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 96. С. 165–183. doi: 10.17223/19986645/96/9

Original article
doi: 10.17223/19986645/96/9

The image of Khlopusha in Russian literature: The formation of a national type

Inessa N. Korzhova¹, Dmitry V. Pole²

¹ *Synergy University, Moscow, Russian Federation*

² *Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation*

¹ *clean24@yandex.ru*

² *pol-d-v@yandex.ru*

Abstract. The article examines the formation in the literature of the image of a prominent participant in the Pugachev uprising, Khlopusha (Afanasy Sokolov). It investigates the cultural prerequisites and mechanisms that ensure the transformation of a historical personality into a national type of hero. It is noted that for various reasons, primarily due to strict government restrictions when covering the uprising, Khlopusha did not become a hero of folklore, the image has an exclusively literary history. The article studies a wide range of works of Russian literature of the 19th – early

21st centuries, using the aspect method. It is established that Rychkov's "The Siege of Orenburg" became the first document containing historical information about Khlopusha and at the same time setting the direction of mythologizing his image. Rychkov evaluates the decision to release Khlopusha as fatal, which damaged government troops a lot, and exaggerates the degree of proximity of Khlopusha to Pugachev and his role in the seizure of Ural factories. Pushkin shows the hero more soberly in the "History of the Pugachev Rebellion", but in "The Captain's Daughter" he puts forward Khlopusha as a man combining robber prowess and folk wisdom. In the literature of the late 19th – early 20th centuries (in an anonymous novel published by Manukhin, novels by Khrushchev-Sokolnikov and Auslander) the image of Khlopusha develops within the framework of the adventure genre. At the same time, objective facts (Sokolov's eventful biography, multiple escapes, a disfigured face, takeoff from a prisoner by Colonel) were consonant with adventurous vicissitudes. The development of the image in poetry (Yesenin, Kamensky, Gubanov) relies to the greatest extent on folklore, which loves and appreciates people's sufferers and defenders, and mythologizes Khlopusha. In a dramatic poem "Pugachev" by Yesenin, Khlopusha becomes the embodiment of the elements of popular protest and the aspirations of freedom. In the stories of the 1930s, the image of Khlopusha is given in connection with the theme of the mining Urals. In the epic canvases of Zlobin and Shishkov, the image is used differently: the former works in the aspect of romanticization and the latter in the aspect of psychologization. Both authors focus on the fractured character, depict him as miserable, adding a new feature to the image. At the beginning of the 21st century, Ivanov turned to the image of Khlopusha in the documentary and journalistic narrative "Pitchfork", but the historical truth in depicting the hero is largely displaced by the literary tradition, which can serve as evidence of the formation of the image of Khlopusha as a national type. It is established in the work that the literary Khlopusha combines the features of a rebel and a sage, his peasant origin is significant, his role in the uprising and proximity to Pugachev are strengthened.

Keywords: Pugachev, Khlopusha, imposture, historical image, national type, mythologization, type of rebel, adventurous plot

For citation: Korzhova, I.N. & Pole, D.V. (2025) The image of Khlopusha in Russian literature: The formation of a national type. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 96. pp. 165–183. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/96/9

Отдельные образы исторических деятелей обладают повышенной значимостью в культуре. Они становятся выразителями эпохи, конденсируют некоторые важнейшие ее черты, обладают высокой повторяемостью в разнообразных нарративах, в том числе и в текстах художественной литературы. Механизм отбора таких личностей очень прихотлив и производится либо народным сознанием в фольклорных текстах, либо в авторском искусстве. Для большинства видных российских государственных деятелей особенности отображения в авторском искусстве определены конкретной социально-политической ситуацией и сложившейся традицией исторической оценки¹ (исключения ярчайшие – Иван Грозный и Пётр Первый, которые являются

---

¹ Так, в 2020-х гг. в подобный перечень войдут Меншиков, Победоносцев, Столыпин, но в стороне останутся Борис Морозов, Лорис-Меликов, Витте и др.

также героями фольклора). В несколько ином положении оказались предводители народных восстаний (движений), деятельность которых была неотделима от самозванства (Иван Болотников, Степан Разин и Кондратий Булавин как вершители воли истинного монарха – Дмитрия, царевича Петра, царевича Алексея и др., Емельян Пугачев как чудом спасшийся царь-император Пётр Третий).

В сравнении с Западной Европой самозванство на Руси появилось сравнительно поздно, в начале XVII столетия [1. С. 22], но сразу же приобрело широкий характер, став устойчивой характеристикой не только XVII, но и XVIII в. Относительно позднее явление самозванства стало результатом некоторой замедленности процессов распада традиционных общностей и ценностей, позднего перехода к индивидуальному восприятию человека и мира, наглядным свидетельством того, как «поколебалось относительное единство средневековой идеологии» [1. С. 22]. В народной памяти в отличие от авторского искусства отобразились немногие «герои» бунтов – Степан Разин и Емельян Пугачев¹. Несмотря на то, что личностям Ивана Болотникова и Кондратия Булавина посвящены многочисленные научно-популярные и художественные произведения, а движения, ими возглавляемые, по масштабу и влиянию на российскую историю не уступали разинскому и пугачевскому, они не задержались в народной памяти². Надо отметить и то, что разинско-пугачевские восстания (движения³) своеобразно, подчас в явном противоречии с логикой, запечатлелись в народном сознании. Это наблюдается в отношении не только предводителей и наиболее исторически значимых событий восстания, но и сподвижников и последователей самозванцев.

Восстание Емельяна Пугачева оставило в культурной памяти несколько образов⁴. Кроме Пугачева, это Зарубин-Чика, Белобородов и Хлопуша, а также лидеры национально-освободительного движения, вставшие под знамя восстания, прежде всего поэт и батыр (представитель военной башкирской аристократии) Салават Юлаев. Отметим, что Афанасий Перфильев, которому был вынесен столько же жестокий приговор (казнь четвертованием), как и Пугачеву, и который воспринимался властью как почти столь же опасный преступник, в этот список не входит⁵.

---

¹ Оба, потомственные донские казаки, с интервалом в столетие с небольшим были, как когда-то Лжедмитрий (Григорий Отрепьев), преданы церковной анафеме.

² Это еще одно свидетельство специфического действия механизма культурного отбора.

³ В научной литературе встречается несколько наименований: казацко-крестьянские восстания, народные и народно-освободительные движения, крестьянские войны. В данной статье как синонимичные используются наиболее содержательно нейтральные обозначения: восстания и движения.

⁴ В народной, а затем и в авторской литературе Пугачев почти сразу был соотнесен с Разиным. А.П. Сумароков прямо устанавливал преемственность между ними в своих поздних сочинениях [2. С. 16–17].

⁵ В этом ряду нет и Т. Подурова – видного участника пугачевского движения, когда-то депутата Уложенной комиссии.

Если литературный образ Пугачева уже привлекал внимание исследователей [3–7], то формирование устойчивого образа его сподвижников остается белым пятном литературоведения. В работе мы обратимся к личности одного из видных участников восстания – к Хлопуше, проанализируем различные варианты воплощения образа пугачевца в литературе, исследуем общие тенденции в его изображении.

Хлопуша, он же крестьянин Афанасий Тимофеевич Соколов, родился в 1714 г. в Тверской губернии, несколько раз был осужден за кражи, в 1768 г. отправлен на каторгу в Сибирь за грабеж, предварительно наказан кнутом с вырыванием ноздрей, с каторги дважды бежал, в 1772–1773 гг. содержался в тюрьме г. Оренбурга и был направлен губернатором И. Рейнсдорпом, чтобы распространять прокламации среди казаков, примкнувших к Пугачеву, а в случае удачной агитации их силами захватить мятежника. Однако вместо агитации против самозванца Хлопуша 2 октября примкнул к нему и вскоре стал полковником в пугачевском войске¹. В дальнейшем Хлопуша² организовал литье пушек для повстанцев на Авзяно-Петровском заводе. В феврале 1774 г. отряд восставших под его предводительством взял крепость Илецкая Защита. После разгрома Пугачева под Татищевской крепостью Хлопуша попытался спасти свою семью, но был схвачен и почти сразу же, 18 июня 1774 г., казнен в Оренбурге [8. С. 151].

Первые сведения о Хлопуше содержались в «Осаде Оренбурга» П.И. Рычкова [9], на которую опирался А.С. Пушкин в «Истории Пугачевского бунта» [10. Т. 7], хотя и не вполне разделял оценку личности Хлопуши с летописцем осады. Возможность работать с засекреченными архивами историки получили только во второй половине XIX в., первым из них стал Н.Ф. Дубровин [11], его изложение биографии Хлопуши опирается на собственные показания пугачевца. В советское время были опубликованы сами документы – допросные листы Соколова-Хлопуши 1774 г. [12] и 1768 г. [13]. Личность и деятельность Хлопуши находятся в центре внимания современных исследователей [14].

Часто основой отбора черт складывающегося национального образа становится фольклор. Однако подавление пугачевского восстания сопровождалось беспрецедентными для того времени мерами по искоренению самой памяти о восстании и его предводителе: переселение целой станицы, малой родины Е. Пугачева, уничтожение топонимов (Яик – Урал, Яицкий городок – Уральск), связанных с восстанием, преследование за упоминание

---

¹ Подобная история произошла и с И. Перфильевым, также посланным для поимки Пугачева, но после общения с самозванцем правдиво рассказавшим о своем задании и перешедшим на его сторону. Шансы на успех у Перфильева, авторитетного человека среди яицких казаков, были несопоставимо выше, но народная память сохранила только историю Хлопуши, что в очередной раз свидетельствует о прихотливости механизма ее действия.

² Хлопуша ни происхождением, ни образом жизни не был связан с заводскими рабочими людьми, однако именно он в исторической (народной) памяти стал самым ярким представителем уральских рабочих в пугачевском движении.

прежних вариантов. До революции письменная фиксация народных произведений, вступавших в противоречие с официальной оценкой пугачевского движения, была затруднена, хранители преданий неохотно шли на контакт. Немногочисленные материалы были собраны уже в XIX в., многие – в пореволюционную эпоху [15–17]. Отметим, что имени Хлопуши, согласно этим источникам, народное сознание не сохранило. Для дальнейшего исследования принципиально важно подчеркнуть, что складывание образа шло исключительно в литературе.

Первое художественное осмысление образа Хлопуши принадлежит А.С. Пушкину. Однако написанию повести «Капитанская дочка» предшествовали исторические разыскания, непосредственно отразившиеся в «Истории Пугачевского бунта». Решающей для дальнейшего осмысления образа Хлопуши стала летопись П.И. Рычкова, опубликованная в материалах к «Истории Пугачевского бунта».

Летопись Рычкова стала первым источником фактических сведений о Хлопуше, и она же отразила ту стихийную мифологизацию образа каторжника, которая, несомненно, происходила в сознании осажденных оренбуржцев, что и зафиксировал в своем труде ученый. Заметки писались осенью 1773 г. – весной 1774 г. при отсутствии достоверных известий о происходящем в лагере восставших. История Хлопуши, направленного из Оренбурга в стан врага, была хорошо известна Рычкову. В летописи он излагает краткую биографию каторжника, пестрота общих сведений (трехкратный побег) при скупой конкретике создавала почву для художественного претворения биографии героя. Крестьянское происхождение, бродяжья (разбойничья) жизнь, очевидные свободолюбие и смелость давали богатый материал для дальнейшего развития характера сразу в нескольких направлениях.

Скупость фактов компенсировалась у Рычкова самой манерой подачи, питающейся восприятием Хлопуши как отпетого разбойника. Преувеличивал Рычков и последующую значимость Хлопуши в лагере мятежников¹. По его сведениям, Хлопуша (совместно с Подуровым) оставался руководителем мятежников при отлучках Пугачева из Берд. Также Рычков был уверен, что именно Хлопуша подал бунтовщикам идею овладеть уральскими заводами, тем самым поступок Рейнсдорпа предстал не просто как нелепый, но как переломный в развитии бунта²: губернатор послал Пугачеву едва ли не первейшего помощника: «...без одного б одни яицкие казаки, а паче самозванец их Пугачев, не зная заводов и многих жительств, о дальнейших своих предприятиях никогда б может быть и не подумали; словом:

---

¹ Справедливости ради надо отметить, что именно Хлопуша стал разорителем главного «детища» П.И. Рычкова в Оренбургской губернии – Илецкой защиты и соляного промысла, расположенного в ее окрестностях, который незадолго до пугачевского восстания русский ученый привел в «цветущее состояние».

² Именно Рычков первым увидел в Хлопуше человека, благодаря которому возмущение яицких казаков превратилось во всероссийский бунт, поколебавший сами устои Российской империи.

к усилению предводителя злодеев был он Хлопуша всегда главным орудием» [9. С. 326]. Рычков неоднократно называет Хлопушу «любимцем» самозванца.

Центральный эпизод истории Хлопуши – его попадание в стан Пугачева – оказался выстроен если не по законам авантюрного жанра, то в точном согласии с господствовавшими в последней трети XVIII в. представлениями о фортуне, случайном и закономерном в жизни и в культуре [18. С. 132–155]. Рычков первым сообщает историю посылки Хлопуши к самозванцу для агитации казаков и, в случае успеха, поимки лжеимператора. Вероятно, губернатору казалось, что для этого дела нужен самый опытный человек, который хоть и в криминальной сфере, но много раз демонстрировал свое везение. В самой истории Хлопуши, не просто перебежчика, каких было много, а колодника, превратившегося в одного из руководителей восстания, воплотилась авантюрная перипетия резкой смены участи, что было актуально для эпохи Просвещения. К тому же обезображенный каторжник, имевший основания для мести власти буквально на лице, концентрировал в себе пафос бунта черни, хотя сам образ отверженного мало что говорил о социальных истоках и причинах восстания и в этом смысле уводил к упрощенному восприятию событий.

В истории народных выступлений на горных заводах Урала были и другие предводители, одерживавшие небольшие победы над правительственными войсками. Так, например, мы знаем об Иване Грязнове (мелкий купец или служащий при горном ведомстве) и Григории Туманове (заводской крестьянин) [8. С. 112–137]. Что удивительно: дальнейшая судьба этих людей неизвестна. Однако ни П.И. Рычков, ни другие современники событий особого внимания названным людям не уделили. В исторической памяти о пугачевском восстании Хлопуша вобрал в себя сразу несколько биографий, став наиболее авторитетным представителем работных (в реалиях второй половины XVIII столетия еще и каторжан, число которых было непропорционально велико среди заводских рабочих) людей среди пугачевцев.

А.С. Пушкин в «Истории Пугачева» повторяет часть сведений, почерпнутых у Рыčkова, но снижает степень значимости Хлопуши в восстании. В устах Пушкина мотив злого рока, нависшего над Оренбургом, звучит отчетливо и лаконично: «Казалось, все меры, предпринимаемые Рейнсдорпом, обращались ему во вред» [10. Т. 7. С. 31]. Но и он, перечисляя сподвижников Пугачева, дает описание Хлопуши последним, что усиливает гротеск, даже карнавальность бунта: «Разбойник Хлопуша, из-под кнута клейменный рукою палача, с ноздрями, вырванными до хрящей, был один из любимцев Пугачева. Стыдясь своего безобразия, он носил на лице сетку или закрывался рукавом, как будто защищаясь от мороза. Вот какие люди колебали государством!» [10. Т. 7. С. 37]. Но при этом Пушкин считает необходимым подчеркнуть, что, взяв Ильинскую крепость, Хлопуша не учинил расправу и не разорил крепость. Впервые именно Пушкин сообщил о том, что причиной поимки Хлопуши было желание спасти семью. Эти сведения уже не позволяли рассматривать пугачевца как бесчеловечного негодяя,

напротив, пожалуй, только в связи с ним, применительно к пугачевцам, упоминается такой «высокий» мотив, как любовь к семье.

Пушкин-историк оказался более сдержан в оценке Хлопуши, чем П.И. Рычков. Зато в «Капитанской дочке» Хлопуша оказывается одним из важнейших и ближайших к самозванцу предводителей восставших. Именно он вместе с Белобородовым принимает участие в решении участи Петра Гринева. Причем два «полковника» представляют разные, во многом противоположные типы законоотступников. Если Белобородов жесток, подозрителен и не стремится доискаться правды, то Хлопуша близок к фольклорному образу разбойника, в самой его речи воссозданы ключевые формулы разбойничьих песен: «...я губил супротивника, а не гостя; на вольном перепутьи да в темном лесу, не дома, сидя за печью; кистенем и обухом, а не бабьим наговором» [10. Т. 5. С. 370]. И в этом эпизоде разбойник воспринимается скорее с положительной коннотацией, как воплощение удали и силы. Хлопушу в повести отличает даже не столько лихость, сколько рассудительность. Облик героя, хотя и сохраняет следы пыток, все равно представлен привлекательным. Существенно изменен возраст сподвижников Пугачева (реальный возраст мог быть неизвестен Пушкину или он мог сомневаться в точности сохранившихся сведений). Книжный Белобородов оказывается почти на 30 лет старше прототипа, а реальный, немного не доживший до шестидесяти Хлопуша, наоборот, молодеет. Упомянутый высокий рост и крепкая стать героя могут быть следствием авторского домысливания в рамках избранного типа, а, возможно, продиктованы дошедшими до Пушкина словесными описаниями. В.Я. Мауль излагает шесть вариантов происхождения прозвища, в их числе есть и такой: «Прозвище свое “Хлопуша получил, вероятно, от дубового железом окованного песта, которым толкли руду на уральских заводах”» [14. С. 136]. Этому прочтению позже придерживался В. Шишков: «...хлопушей зовется высокий деревянный шест, которым толкут рудную породу» [19. Т. 2. С. 461].

Таким образом, в первой половине XIX в. возникло и закрепилось особое внимание к Хлопуше, который выдвинулся на первое место в ряду людей, подосланных в стан восставших. Хлопуша выделялся среди соратников Пугачева еще и по причине своей колоритной внешности и той роли – возмутителя уральских заводов, которую ему навязал П.И. Рычков¹, один из первых историографов Пугачевского бунта. И если Пушкин в «Истории Пугачевского бунта» скромно оценивал Хлопушу, то в «Капитанской дочке» только он и Белобородов будут теми, от кого Пугачев «ничего не таит».

Именно после пушкинских сочинений, «Истории...» и «Капитанской дочки», Хлопуша становится одним из символов восстания, что хорошо заметно по так называемой народной литературе (как правило анонимной,

---

¹ Выше мы отмечали личные мотивы особой неприязни Рычкова к Хлопуше. К этому можно добавить, что, преувеличивая вклад клейменного каторжника в восстание, Рычков косвенно обвинял Рейнсдорпа, с которым у него были непростые отношения.

стоящей между лубочной и авторской). В «народной» книге «Емелька Пугачев и Хлопуша» (1870) [20], изданной книгопродавцем Манухиным (автор не назван) с указанием на правдивость повествования («заимствованная из достоверных источников»), Хлопуша – важнейший из сторонников самозванца. В данном произведении губернатор Рейнсдорп поручает Хлопуше, в недавнем прошлом товарищу Емельяна Пугачева, поймать самозванца (это несколько расходится с тем заданием, которое было поставлено перед историческим Хлопушей – передать правительственное воззвание и побудить казаков выдать самозванца).

Несколько наивная манера повествования, умилительные интонации, декларирование верноподданических чувств со стороны оренбуржцев – все это указывает на возможного адресата – разночинца, главного читателя подобных книг. Чтобы обозначить характер повествования, укажем, что Хлопуша хранит три бочонка золота на черный день, а после поражения пугачевцев под Оренбургом раскаивается и задумывает бежать с семьей в безопасное место: «Пропади прахомъ этотъ разбой; вижу я, что это грѣшное дѣло не съ руки никому. Мы только гибнемъ съ проклятымъ Пугачевымъ» [20. Кн. 3. С. 49].

Важно отметить, что народная книга закрепила за Хлопушей статус ближайшего к самозванцу друга, сподвижника, а также несостоявшегося охотника (но все еще не убийцы) на «царя-батюшку Петра Третьего».

Прекрасный знаток Урала Д.Н. Мамин-Сибиряк в повести «Охонины брови» (1892) [21] попытался показать восставший Урал без Хлопуши. Автор словно избегает этого персонажа, дабы он не заслонил иных героев. Возможно, именно это и сыграло злую шутку с повестью, которая была фактически не замечена критикой и читателями, несмотря на популярность писателя.

В ряде до- и послереволюционных исторических романов образ Хлопуши разрабатывается в заложенном предшественниками направлении. Г.А. Хрущов-Сокольников «Пугачев» (1887, 1911) [22], С.А. Ауслендер «Пугачевщина» (1928) [23] делают Хлопушу второстепенным героем своих историко-авантюрных произведений. Несмотря на ожидаемое изменение политических акцентов, эти романы строятся по вальтер-скоттовской модели, использованной Пушкиным в «Капитанской дочке». В них (даже в романе 1911 г.) главные вымышленные герои принадлежат лагерю повстанцев. Хлопуша появляется как одна из знаковых фигур, организатор южноуральских заводских восстаний. Авторы неизменно описывают запоминающийся облик героя, его изуродованное лицо и попытки замаскировать увечья, сам Хлопуша включен в общую логику бунта, не выделяясь из нее ни сострадательностью, ни накалом зверств. Все авторы подчеркивают чужеродность Хлопуши большинству руководителей восстания, происходивших из казаков.

Хрущов-Сокольников наиболее последовательно развивает образ, сложившийся у Рычкова и Пушкина, вскользь упоминая и силу Хлопуши, и его решающую роль в обеспечении повстанцев пушками, использует он и прозвище героя «рваные ноздри» (отсылка к «Капитанской дочке»). Некоторая

эстетическая чересполосица романа проявляется в совмещении мелодраматической схемы при изображении страстного, но отчаявшегося злодея Пугачева со стремлением показать социальные истоки бунта. Важно, что писатель выделяет Хлопушу как представителя неказачьей среды (крестьянская составляющая восстания наиболее подробно анализируется Хрущовым-Сокольниковым). Именно Хлопуше писатель доверяет слова: – Спѣта казацкая пѣсенка! <...> Сколько разъ я говорилъбатюшкѣ государю плюнуть на всѣхъэтихъказаковъ, да прямо на Москву идтить. Не захотѣлъ слушать, вотъ и дождались! [22. С. 170]. Писатель косвенно связывает поражение восстания со смертью Хлопуши: «Хлопуша одинъ составлялъ имь оппозицію, всегда выставляя впередь общее дело одному узкословному казачьему» [22. С. 172]. Хотя приведенный пассаж в дальнейшем забывается автором и решение Пугачева повернуть на Казань, а не на Москву ставится в зависимость от любовно-авантюрной линии, тем не менее именно «расставание» самозванца с человеком из народных низов становится одной из важнейших причин общего поражения восстания.

Говоря об изображении Хлопуши у С.А. Ауслендера, следует признать справедливым общий упрек роману в отсутствии правдоподобия при попытке воссоздать объективную историческую правду [24. С. 260]. Думается, проблема не только в неумении писателя отойти от исторических документов, но и в художественной слабости самого произведения. При изображении Хлопуши, очевидно, привлекался его опросный лист 1774 г., но изложенным там (разговором с Рейнсдорпом, прибытием в лагерь Пугачева и отправкой на заводы) деятельность героя и его образ исчерпываются. Остается только авторский, не вызывающий симпатии портрет: «Черный, приземистый с реденькой бородкой и вырванными ноздрями Хлопуша был страшен. Всю дорогу до губернаторского дома воровато поглядывал по сторонам маленькими бегающими глазками» [23. С. 87]. Очевидно, Ауслендер намеревался усилить авантюрное начало романа еще одной неожиданной встречей (на них построена история главного героя – мальчика Андрейки). Портрет Хлопуши совпадает с портретом заключенного, с которым Пугачев вместе находился в казанском остроге, да и при виде Хлопуши Пугачев сразу называет его по имени. Но эти совпадения остаются без разъяснений. Важнее, что отец Андрейки, Степан Голодный, оказывается также раскованным и подосланным ради поимки самозванца колодником. Но, в отличие от Хлопуши, он пытается выполнить свое задание до конца и кается только перед повешеньем. Очевидно, что и Ауслендер усмотрел в истории Хлопуши яркое авантюрное начало и даже продублировал ситуацию, домыслив еще одного каторжника-убийцу.

Среди произведений 1920-х гг. наибольшей концептуализацией образа Хлопуши выделяется драматическая поэма С.А. Есенина «Пугачев» [25]. Несмотря на собственные слова Есенина, что он изучал бунт по многочисленным источникам, утвердительно можно сказать, что он был знаком только с «Историей Пугачевского бунта» Пушкина и с приложениями к ней

[26. С. 468–470]¹. В разработке образа Хлопуши Есенин остается в поле авантюрного жанра, с которым уже был связан Хлопуша в литературе рубежа XIX–XX вв. В монологе герой называет себя убийцей и фальшивомонетчиком, о чем нет никаких достоверных сведений. Но, главное, поэт, очевидно повинувшись творческой фантазии, «уточняет» цель присылки Хлопуши. Она состоит исключительно в убийстве Пугачева. Художественная трансформация судьбы Хлопуши подчиняется тенденции к поляризации крайностей: не просто прокламатор, но убийца, ставший сподвижником. Кроме того, в статусе убийцы есть идея неизбежного соединения судеб с предполагаемой жертвой. Хлопуша является, чтобы изменить ход восстания: «Оттого что без Хлопуши / Вам не взять Оренбург / Даже с сотней лихих полководцев» [25. С. 33]. Герой, как когда-то у Рычкова, с заметками которого Есенин был знаком, поворачивает восстание на заводы. В себе он подчеркивает крепкий ум, правда, как и вся натура Хлопуши, обладающий почти взрывоопасной силой: «Ах, в башке моей, словно в бочке, / Мозг, как спирт, хлебной едкостью лют» [25. С. 33]. Но главное в герое раскрывается не в самохарактеристике, а в интонациях знаменитого рефрена: «Проведите, проведите меня к нему, / Я хочу видеть этого человека» [25. С. 29]. В этой фразе сбывающееся чаяние свободолюбца и отщепенца увидеть, как торжествует народная правда. В есенинской поэме Перфильев – в реальности, несомненно, более авторитетный и влиятельный сподвижник Пугачева, вполне способный арестовать самозванца, – уходит в сторону, а Хлопуша, наперекор исторической достоверности, становится персонификацией народного протеста и соединяет кровопролитие с установлением справедливости.

Интересная поэтическая разработка образа Хлопуши принадлежит В. Каменскому в поэме «Емельян Пугачев» (1931) [27]. Тринадцатью годами ранее Каменский создал поэму «Степан Разин» (первая редакция 1918, вторая 1929). В «Емельяне Пугачеве» он продолжает развивать те же тенденции, что и в «Степане Разине»: освоение раешного стиха, воссоздание голоса некоего коллективного действующего героя – самих восставших и сочувствующего им народа, явная фольклоризация и мифологизация героев.

Хлопуше безусловно отдается роль человека, пробудившего заводской Урал. Поэма Каменского в некотором смысле может рассматриваться как ключевая по степени смелой гипертрофии тех черт, которые привлекали в облике каторжника предшествующих литераторов. Еще усилены увечья героя:

---

¹ В допросных листах Хлопуши, которые сохранились в материалах следственного дела, есть рассказ о длительных сомнениях Пугачева относительно намерений каторжника, не только при первой встрече, но и после Пугачев хочет его повесить (возможно, таким образом Соколов хотел показать, что не обладал доверием Пугачева). Есенин полностью игнорирует этот документ (сложно судить, насколько он с ним был знаком) и опирается на свою художественную интуицию.

Появился разбойник Хлопуша.
Слушай:
У Хлопуши
Отсечены уши,
Вырваны ноздри,
Рыжая харя в коросту,
А сам он саженного росту.
Голос медвежий –
Рявкий, тварина.
Или он леший,
Этот зверина? [27. С. 199].

Хлопуша оказывается самым inferнальным персонажем поэмы. Он сродни нечистой силе, но схож и с медведем – персонажем в народном сознании скорее положительным. Отметим, что появление героя в поэме дается в пересудах крестьян и рабочих. Это они, а еще, может быть, напуганные заводчики сложили про Хлопушу легенды, потому и переплетается в них восхищение и страх. Уже в более объективной манере сообщается, что «в каждом заводе таких Хлопуш оставлено в взводе по пять душ» [27. С. 200]. Лесные же вору пушек, коих оказывается множество, названы «хлопушками». Каменский меняет имя героя на народное, конденсирующее национальные черты, – Иван.

Одновременно Каменский находит поэтическое основание мифологизации образа – фонетический облик прозвища. Анаграмматическое сходство со словом «пушка» закрепляет и реальную связь с заводской составляющей бунта, и показывают мощь, неуправляемость и смертоносность энергии героя. В другой главе, где Хлопушу жалуют в генералиссимусы, из вырванных ноздрей и отсеченных ушей идет «жарь, как из бани» [27. С. 228]. Его гнев как бы не встречает телесных препон.

Поэтические образы Хлопуши непосредственно соотнесены с фольклором. Нарушая хронологический порядок изложения, укажем на поэму Л. Губанова «Пугачев» (1963–1964) [28]. Устанавливая прямую преемственность с Есениным, поэт берет в качестве эпиграфа знаменитые слова Хлопуши: «...Проведите ж, проведите меня к нему, / Я хочу видеть этого человека!» «Монолог Хлопуши» составляет вторую из четырех частей поэмы. Это второй из двух, наряду с Пугачевым (Пугачом), поименованный герой поэмы, но монолог его не самораскрытие, это горестно-любственное вглядывание в судьбу Пугачева. Губанов находит яркий способ показать и народность чаяний восставших, и фантастичность и недолговечность их успехов: Хлопуша соотносит Емельяна Пугачев со сказочным Емелей.

Сейчас, по шучьему веленью,
И царь и Бог – дурак Емеля.
Емеля! По Руси хлестает
твой скользкий рыбий хвост восстанья [28. С. 679].

Мотивы судьбы, ее резких поворотов прозвучат в монологе самого «Пугача». Но Хлопуша снова оказывается прозорливее и «народнее» своего предводителя.

Таким образом, у Есенина, Каменского и Губанова Хлопуша становится олицетворением народной стихии бунта. У поэтов первой половины XX в. Хлопуша воплощает мощь народного гнева, у первого – крестьянского, у второго – рабоче-заводского, предшествующего пролетарскому. Губанов возвращается к восприятию Есенина, но страстный призыв потеснен интонациями плача.

Интерес к Хлопуше несколько не снижается и в 1930-е гг., что отчасти связано с большим количеством введенных в культурный оборот документов о народных восстаниях Разина и Пугачева. В научной печати активно прорабатываются допросные листы пугачевцев, свидетельствующие об их сомнениях как в «императоре», так и в самом восстании. Отмечается, что Хлопуша отнюдь не пользовался безграничным доверием со стороны Пугачева. «Потом вышел к нему <Хлопуше> Иван Творогов и стал спрашивать: “Раскайся, ты выслан из города для изведения государя и за то дано тебе две тысячи рублей”» [11. С. 165].

Однако публикация новых документов не остановила мифологизацию персонажа. В повести Т.А. Богданович «Горный завод Петра III» (1936) [29], написанной для детей, Хлопуша – эпизодическое лицо, он появляется как один из организаторов протеста заводских рабочих. Повесть М.Е. Зуева-Ордынца «Хлопушин поиск» (1937) [30] полностью посвящена действиям Хлопуши по захвату Белореченского завода. Хлопуша предстает бывшим крестьянином, затем беглым солдатом, которому за повторный побег из солдат были вырваны ноздри, лишь затем он становится каторжником на сибирских заводах. Вновь побег, бунт, поимка и отправка на Илецкую соляную каторгу, новый побег. Хлопуша в трактовке М.В. Зуева-Ордынца – народный герой, категорически не приемлющий социальную несправедливость, а потому закономерно возглавляющий восставших рабочих людей.

Совершенно своеобразно Хлопуша показан в романе Злобина «Салават Юлаев» (1928–1962)¹ [31]. Писатель довольно значительно отходит в своем повествовании от исторических фактов и свободно перетолковывает биографии реальных лиц. В романе Хлопуша оказывается другом и наставником Салавата, с которым последний несколько лет странствовал и разбойничал и в итоге смог разомкнуть границы своего национального мира, впустить понимание общей правды. Дружба с Хлопушей становится воплощенной формулой дружбы народов.

Почему для этой роли избирается Хлопуша? Думается, именно он воспринимается Злобиным как некий универсальный отщепенец, отверженный, человек, сменивший в течение жизни несколько социальных статусов. Его не казачье, а крестьянское происхождение тоже определило выбор: в советской литературе 1920-х гг. казачество воспринималось настороженно. Закономерно, что в трактовке Злобина Хлопуша становится единственным представителем простого народа, пробившимся к Пугачеву сквозь казачий

---

¹ Исследуется последняя редакция романа.

круг. Бывалость и приверженность народной правде обращают на себя внимание в сцене знакомства Салавата с Хлопушей, который назван атаманом. Вместе с ним Салават грабит и убивает, но, разумеется, только дворян. Все это остается за пределами изображения, в повествовании Хлопуша абсолютно лишен кровожадности, зато Злобин считает необходимым усилить его связь с народной стихией: «Салавату было радостно показать Хлопуше, что вот его, Хлопуши, ночные разговоры у костров, дневные беседы в пути, в степях и в лесах, бродяжничество по уметам, разбой по дорогам, песни и сказки – все не прошло даром» [31. С. 326].

Вторая причина сближения Салавата именно с Хлопушей связана с темой клеймения. В отличие от других авторов Злобин подробно описывает судьбу своего героя, Салавата, после поимки. Он даже выстраивает сюжет тайной очарованности дочери тюремщика молодым узником-поэтом. Дочь убеждает отца не клеймить преступника. Тем не менее в финале романа приговор исполняется. Клеймение воспринимается героем как окончательная потеря свободы, ведь оно отрезает возможность сбежать и затеряться среди моря людского. Сам Салават размышляет о том, что теперь он полностью уподобится своему страшному другу Хлопуше. Злобина интересует сходство судеб отверженных обществом героев, и он выделяет в облике Хлопуши этот аспект.

В большом историческом полотне, созданном В.Я. Шишковым, заслуги и значимость облика Хлопуши показаны в целом объективно. В романе-эпопее «Емельян Пугачев» (1945¹) [19. Т. 7–10] Хлопуша воплощает частный случай общего социального неблагополучия в России. Этот персонаж не выдвигается на первый план, он один из многих, кто не согласен с классовой несправедливостью, что не отменяет личных и не всегда положительных мотивов участия в восстании. Бывший каторжанин сильно подвержен влиянию страстей, обидчив, ревностно относится к тому, что его не приглашают на совет. Масштабность полотна позволяет ввести историю повстанца наиболее полно: от его разговора с Рейнсдорпом и первой встречи с Пугачевым до участия в захвате заводов и попадания в плен по оплошности. Тема убийства Пугачева Хлопушей звучит в нескольких вариантах: убить самозванца предлагает в порыве показной преданности Рейнсдорпу сам Хлопуша, позже Овчинников² обвиняет в этом намерении каторжника уже в лагере Пугачева.

Шишков обнажает перед читателем слой за слоем в душе этого героя, и, отметим, то же очищение от озлобленности и недоверия происходит с самим Хлопушей. Он не столько развивающийся персонаж, сколько именно постепенно проясняющийся и для читателя, и для самого себя. В облике

---

¹ Произведение не было закончено, поэтому как дата написания указывается год смерти писателя.

² Шишков, несомненно хорошо знакомый с материалами следственного дела, «заменял» Творогова, который в дальнейшем предал Пугачева, на Овчинникова, сохранявшего верность самозванцу вплоть до самой смерти.

Хлопуши, помимо роста и увечья, выделяются неприятные белесые глаза. В первом же самостоятельном эпизоде, названном «Хлопуша вмиг озверел», обнаруживаются разбойничьи черты героя, который убивает солдата безмолно на цепочке. Но далее его управление на заводах показано как справедливое и рассудительное.

Центральным для понимания персонажа становится эпизод пира в Бердах. Начинается он с детали, так или иначе связанной с подспудной карнавальностью самого прототипа (разумеется, в трактовке В.Я. Шишкова). Хлопуша демонстрирует умение, которое никто не ожидает в огромном безобразном человеке, – он играет на клавесине, припоминая детство в вотчине владыки Митрофана. Но далее сцена лишается комических черт.

Полное раскрытие героя происходит в «покаянии» перед Пугачевым. Этот русский мизерабль обретает черты национального типа «униженного и оскорбленного»¹ с отчетливыми нотами изломанности и необходимостью публичной исповеди². Шишков первым из авторов, писавших о Хлопуше, показывает трагедию человека, чей физический облик изувечен. Хлопуша буквально срывает повязку с лица, обнажая «безобразные ослизлые хрящи» [19. Т. 3. С. 50] и «кается» [19. Т. 3. С. 48] царю в грехах, полагая, что только тот может снять их с него. Шишков не «очищает» биографию героя: тот оказывается втянут в воровство в юности, в разбой и убийства во время нахождения на оренбургских заводах.

На концептуальном уровне для Шишкова значима параллель Хлопуша – Перфильев. И писатель, и сами герои подмечают сходство путей, которые приводят их к Пугачеву. Хлопуша подослан Рейнсдорпом, Перфильев – Орловым. При всей разности социального положения каторжанина и казачьего есаула их дороги в екатерининскую эпоху сходятся у Пугачева. Педальирование параллелей позволяет очертить широту народных слоев, интересы которых представляет Пугачев, что усиливает социальное звучание романа.

В наши дни к образу Хлопуши обратился А. Иванов в документально-публицистическом повествовании «Вилы» (2016)³ [34], претендующем на новую, вторую после Пушкина историю Пугачевского бунта. Глава о Хлопуше названа словами Максима Шигаева, известными по допросным листам самого Соколова, – «самый бедный человек» [34. С. 202]. На примере судьбы Хлопуши Иванов показывает бесправие крестьянина XVIII в. Его судьба подана не как страстное сопротивление нормам, а как череда нелепостей, трагических случайностей, приводящая человека на самое дно

---

¹ Черты этого типа парадоксальным образом лишь начинают выявляться. Укажем на общее мнение исследователей: «“Униженности” здесь противопоставлена “оскорбленность”. То есть сколько бы не принижали человека, он может противостоять этому хотя бы через выражения своей оскорбленной гордости» [32. С. 119]; «Доминантной чертой героев, находящихся почти на социальном “дне”, является гордость» [33. С. 466].

² Отметим, что В.Я. Шишков хорошо знал творчество Ф.М. Достоевского, персонажи Шишкова неоднократно упоминают героев классика как воплощение определенной жизненной философии.

³ «Вилы» – переработанный вариант фотокниги «Увидеть русский бунт» (2012).

жизни. «Не убийца и даже не конокрад, Хлопуша стал мучеником державного равнодушия» [34. С. 205]. Иванов «снимает» с Соколова и грех разбоя, выставляя ограбление татар как реализацию мести за более раннее преступление их сородичей. Хлопуша в интерпретации Иванова почти лишен разбойничьей удалости, напротив, вопреки традиции, возможно в пику ей, в решении образа преобладают сентиментально-мелодраматические элементы. Например, подчеркивается, что гибель герою принесла любовь к семье и забота о благополучии жены и детей. Если предшественники оставляли этот факт без комментария, то Иванов намеренно подчеркивает это поведение, идущее в разрез с репутацией героя.

И вместе с тем Иванов опирается на один из самых мощных текстов, мифологизирующих Хлопушу как бунтаря, излагая есенинскую версию появления Хлопуши в стане Пугачева. Хлопуша, согласно Иванову, был послан именно как убийца, он даже назван «киллером» [34. С. 202]. При этом писатель, как и в других случаях, не ссылается на источники. Не упоминает он в этом качестве и драматическую поэму Есенина. Но факт выдвижения Хлопуши из широкого ряда пугачевских сподвижников, сосредоточенность в этом образе представления о бунте, особо рефлексированы Ивановым: «Хлопуше “повезло” через два века после гибели. В пугачевщине он был фигурой эпизодической, но в поэме Есенина “Пугачев” стал одним из главных героев. Образ Хлопуши потряс Россию в исполнении Высоцкого. Есенин и Высоцкий вернули пугачевщине пушкинскую высоту драматизма и сделали Хлопушу олицетворением национального бунта» [34. С. 204].

Несмотря на то что образ Хлопуши отсутствует в фольклоре и входит в русское сознание благодаря исключительно авторским произведениям, в настоящее время именно он стал одним из наиболее часто упоминаемых при характеристике не только пугачевского движения, но и бунта как такового, выразителем самой идеи народного протеста. При всей неоднозначности пушкинской и есенинской трактовок именно в их произведениях в наибольшей степени отобразилось то (стихийное, мифологическое в своих истоках), что изначально присутствовало в пугачевском восстании и в образе Хлопуши нашло свое подтверждение. Биография, происхождение, внешность – все давало благодарную почву для складывания устойчивого национального типа героя. Афанасий Соколов оказался не только самым демократичным по происхождению из пугачевских полковников, но и явил идею бунта как переворачивания нормы: изувеченный колодник стал полковником, и авторы, не зная правды или намеренно отступая от нее, еще усиливают контраст, возносят героя, делая его правой рукой Пугачева. Измышленное знакомство Хлопуши еще до начала бунта с его предводителями (Пугачевым или Салаватом Юлаевым), думается, объясняется не только требованиями авантюрного сюжетостроения, но и желанием выдвинуть Хлопушу как само воплощение бунта через создаваемые параллели с его предводителями. Характерно, что в образе Хлопуши у большинства авторов сочетается несколько народных типов: лихого разбойника, силача, наделенного звериной

силой, ибывалого человека, прозорливца, почти мудреца. Разбойничье прошлое Хлопуши, как и крестьянские корни, позволяли закрепить связь героя с фольклорными образами. У Шишкова, Иванова, отчасти Злобина выдвигаются и иные черты героя: собственная обездоленность вызывает у него не только социальный гнев, но и чувство ущербности. Как представляется, хлопущинский нарратив послужил основой для разработки национального варианта типа «отверженного» / русского «мизерабля» как в романтическом, так и в реалистическом изводе.

Список источников

1. Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ // Панченко А.М. Русская история и культура. СПб. : Юна, 1999. С. 5–260.
2. Шентаев Л.С. Следы разинского цикла в письменности XVII–XVIII веков (Предыстория записей разинского фольклора) // Русская литература и общественно-политическая борьба XVII–XIX веков / науч. ред. Б.Ф. Егоров. Л., 1971. С. 3–20.
3. Райнова М.Б. Художественная интерпретация образа Емельяна Пугачева в русской советской литературе : дис. ... канд. филол. наук. М., 1979. 291 с.
4. Мауль В.Я. Образ Емельяна Пугачева на страницах книг серии ЖЗЛ: в зеркале сравнений // Новый исторический вестник. 2016. № 2. С. 180–199.
5. Мауль В.Я. Емельян Пугачев кривом зеркале современной публицистики // Вестник северо-восточного государственного университета. История. 2021. № 2. С. 34–50.
6. Болнова Е.В. Рецепция образа Пугачева в произведениях русского авангарда начала XX века // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 3. С. 178–183.
7. Евсина Н.А. Роман С.А. Ауслендера «Пугачевщина» и пугачевская тема в советской литературе 1920-х годов // Мировая литература в контексте культуры. 2013. № 2. С. 59–64.
8. Лимонов Ю.А., Мавродин В.В., Панеях В.М. Пугачев и пугачевцы. Л. : Наука, 1974. 188 с.
9. Рычков П.И. Осада Оренбурга (Летопись Рычкова) // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : В 16 т. Т. 9, кн. 1. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. С. 206–355.
10. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : В 10 т. М. : ГИХЛ, 1959–1962.
11. Дубровин Н.Ф. Пугачев и его сообщники. Эпизод из истории царствования Императрицы Екатерины II, 1773–1774 гг.: по неизданным источникам : в 3 т. СПб. : Тип. И.Н. Скороходова, 1884.
12. Жижжа М.В. Допрос пугачевского атамана А. Хлопуши // Красный архив. 1935. № 1. С. 162–171.
13. Горелов А.А. Приговор Афанасию Хлопуше 6 марта 1768 г. // Вестник ЛГУ. Серия истории, языка и литературы. 1965. № 8. С. 160–162.
14. Мауль В.Я. Штрихи биографии пугачевского атамана А.Т. Соколова: новые версии и подходы // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2014. № 4. С. 134–140.
15. Железнов Я.Я. Уральцы. Т. III. СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1910. 439 с.
16. Песни и сказания о Разине и Пугачеве. М.; Л.: Academia, 1935. 418 с.
17. Пугачев в Среднем Поволжье и Заволжье. Народное творчество, отрывки из литературных произведений, исторические документы / сост. А.Н. Лозанова. Куйбышев : Куйбышевское обл. изд-во, 1947. 184 с.
18. Строев А.Ф. Те, кто поправляет Фортуну. Авантюристы просвещения. М. : НЛО, 1998. 400 с.

19. Шишков В.Я. Емельян Пугачев: историческое повествование. Челябинск : Южно-Уральское книж. изд-во, 1986–1987.
20. Емелька Пугачев и Хлопуша. Разбойники и бунтовщики: Повесть в трех частях. Заимствованная из достоверных источников. М. : Издание книгопродавца Манухина, 1870. 252 (86, 74, 92) с.
21. Мамин-Сибиряк Д.Н. Охонины брови. М. : Современник, 1989. 76 с.
22. Хрущов-Сокольников Г.А. Пугачев: исторический роман-хроника. СПб. : Типо-лит. товарищества «Свет», 1911. 366 с.
23. Ауслендер С.А. Пугачевщина : роман в 4 частях. М. : Молодая гвардия, 1928. 270 с.
24. Чужак Н.Ф. О «Пугачевщине» С. Ауслендера // Ауслендер С. Пугачевщина. М. : Молодая гвардия, 1928. С. 257–271.
25. Есенин С.А. Пугачев // Есенин С. А. Полн. собр. соч. : В 7 т. Т. 3: Поэмы. М. : Наука, 1998. С. 7–51.
26. Шубникова-Гусева Н.И., Самоделова Е.А. Комментарии // Есенин С.А. Полн. собр. соч. : В 7 т. Т. 3: Поэмы. М. : Наука, 1998. С. 435–718.
27. Каменский В.В. Стихотворения и поэмы. М. ; Л. : Советский писатель, 1966. 499 с.
28. Губанов Л.Г. «Я сослан к Музе на галеры...». М. : Время, 2003. 736 с.
29. Богданович Т.А. Горный завод Петра III. М. ; Л. : Детгиздат, 1936. 363 с.
30. Зуев-Ордынец М.Е. Хлопушин поиск. Пермь : Пермское книж. изд-во, 1966. 190 с.
31. Злобин С.П. Салават Юлаев: Исторический роман // Злобин С.П. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 1. М. : Художественная литература, 1980. 525 с.
32. Власкин А.П., Рудакова С.В. Метафоры заглавий романов Достоевского // LibriMagistri. 2021. № 2. С. 117–127.
33. Иванова О.И., Дедюхина О.В. Типология «униженных и оскорбленных» героев в произведениях Ф.М. Достоевского и В.Г. Короленко // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 6. С. 465–470.
34. Иванов А.В. Вилы. М. : АСТ, Ред. Елены Шубиной, 2016. 574 с.

References

1. Panchenko, A.M. (1999) *Russkaya kul'tura v kanun petrovskikh reform* [Russian Culture on the Eve of Peter the Great's Reforms]. Saint Petersburg: Yuna.
2. Sheptaev, L.S. (1971) Sledy razinskogo tsikla v pis'mennosti XVII–XVIII vekov (Predystoriya zapisey razinskogo fol'klora) [Traces of the Razin cycle in the writing of the 17th–18th centuries (prehistory of the records of Razin folklore)]. In: Egorov, B.F. (ed.) *Russkaya literatura i obshchestvenno-politicheskaya bor'ba XVII–XIX vekov* [Russian Literature and the Social and Political Struggle of the 17th–19th Centuries]. Leningrad: [s.n.]. pp. 3–20.
3. Raynova, M.B. (1979) *Khudozhestvennaya interpretatsiya obraza Emel'yana Pugacheva v russkoy sovetskoy literature* [Artistic interpretation of the image of Emelyan Pugachev in Soviet Russian literature]. Philology Cand. Diss. Moscow.
4. Maul', V.Ya. (2016) *Obraz Emel'yana Pugacheva na stranitsakh knig serii ZhZL: v zerkale sravneniy* [The image of Yemelyan Pugachev in the pages of the ZhZL books: in the mirror of comparisons]. *Novyy istoricheskiy vestnik*. 2. pp. 180–199.
5. Maul', V.Ya. (2021) *Emel'yan Pugachev krivom zerkale sovremennoy publitsistiki* [Yemelyan Pugachev in the crooked mirror of modern journalism]. *Vestnik severo-vostochnogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 2. pp. 34–50.
6. Bolnova, E.V. (2018) *Retseptsiya obraza Pugacheva v proizvedeniyakh russkogo avangarda nachala XX veka* [Reception of the image of Pugachev in the works of the Russian avant-garde of the early 20th century]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 3. pp. 178–183.
7. Evsina, N.A. & Roman, S.A. (2013) *Auslendera "Pugachevshchina" i pugachevskaya tema v sovetskoy literature 1920-kh godov* [Auslender's Novel Pugachevshchina and the

Pugachev theme in Soviet literature of the 1920s]. *Mirovaya literatura v kontekste kul'tury*. 2. pp. 59–64.

8. Limonov, Yu.A., Mavrodin, V.V. & Paneyakh, V.M. (1974) *Pugachev i pugachevtsy* [Pugachev and the Pugachevites]. Leningrad: Nauka.

9. Rychkov, P.I. (1950) *Osada Orenburga (Letopis' Rychkova)* [The Siege of Orenburg (Rychkov's Chronicle)]. In: Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 9. Book 1. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 206–355.

10. Pushkin, A.S. (1959–1962) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 10. Moscow: GIKhL.

11. Dubrovin, N.F. (1884) *Pugachev i ego soobshchniki. Epizod iz istorii tsarstvovaniya Imperatritsy Ekateriny II, 1773–1774 gg.: po neizdannym istochnikam* [Pugachev and His Accomplices. An Episode from the History of the Reign of Empress Catherine II, 1773–1774: Based on Unpublished Sources]. Saint Petersburg: Tip. I.N. Skorokhodova.

12. Zhizhka, M.V. (1935) *Dopros pugachevskogo atamana A. Khlopushi* [Interrogation of Pugachev ataman A. Khlopusha]. *Krasnyy arkhiv*. 1. pp. 162–171.

13. Gorelov, A.A. (1965) *Prigovor Afanasiyu Khlopushe 6 marta 1768 g.* [Sentence of Afanasy Khlopusha on March 6, 1768] *Vestnik LGU. Seriya istorii, yazyka i literatury*. 8. pp. 160–162.

14. Maul', V.Ya. (2014) *Shtriki biografii pugachevskogo atamana A.T. Sokolova: novye versii i podkhody* [Biography of Pugachev ataman A.T. Sokolov: New Versions and Approaches]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 4. pp. 134–140.

15. Zheleznov, Ya.Ya. (1910) *Ural'tsy* [Uralians]. Vol. 3. Saint Petersburg: Tip. t-va "Obshchestvennaya pol'za".

16. Lozanova, A.N. (ed.) (1935) *Pesni i skazaniya o Razine i Pugacheve* [Songs and Tales about Razin and Pugachev]. Moscow; Leningrad: Academia.

17. Lozanova, A.N. (ed.) (1947) *Pugachev v Srednem Povolzh'e i Zavolzh'e. Narodnoe tvorchestvo, otryvki iz literaturnykh proizvedeniy, istoricheskie dokumenty* [Pugachev in the Middle Volga and Trans-Volga Regions. Folk Art, Excerpts from Literary Works, Historical Documents]. Kuybyshev: Kuybyshevskoe obl. izd-vo.

18. Stroev, A.F. (1998) *Te, kto popravlyayet Fortunu. Avantyuristy prosveshcheniya* [Those Who Correct Fortune. Adventurers of Enlightenment]. Moscow: NLO.

19. Shishkov, V.Ya. (1986–1987) *Emel'yan Pugachev: istoricheskoe povestvovanie* [Yemelyan Pugachev: A historical narrative]. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skoe knizhnoe izd-vo.

20. Anon. (1870) *Emel'ka Pugachev i Khlopusha. Razboyniki i buntovshchiki: Povest' v trekh chastyakh* [Yemelka Pugachev and Khlopusha. Robbers and rebels: A story in three parts. Borrowed from reliable sources]. Moscow: Izdanie knigoprodavtsa Manukhina.

21. Mamin-Sibiryak, D.N. (1989) *Okhoniny brovi* [Okhonya's Eyebrows]. Moscow: Sovremennik.

22. Khrushchov-Sokol'nikov, G.A. (1911) *Pugachev: istoricheskiy roman-khronika* [Pugachev: A historical chronicle novel]. Saint Petersburg: Tipo-lit. tovarishchestva "Svet".

23. Auslender, S.A. (1928) *Pugachevshchina: roman v 4 chastyakh* [Pugachevshchina: A novel in 4 parts]. Moscow: Molodaya gvardiya.

24. Chuzhak, N.F. (1928) *O "Pugachevshchine"* S. Ausledera [About Pugachevshchina by S. Auslender]. In: Auslender, S.A. *Pugachevshchina: roman v 4 chastyakh* [Pugachevshchina: A novel in 4 parts]. Moscow: Molodaya gvardiya. pp. 257–271.

25. Esenin, S.A. (1998) *Poln. sobr. soch.* [Complete Works]. Vol. 3. Moscow: Nauka. pp. 7–51.

26. Shubnikova-Guseva, N.I. & Samodelova, E.A. (1998) *Kommentarii* [Commentaries]. In: Esenin, S.A. *Poln. sobr. soch.* [Complete Works]. Vol. 3. Moscow: Nauka. pp. 435–718.

27. Kamenskiy, V.V. (1966) *Stikhotvoreniya i poemy* [Poems and Narrative Poems]. Moscow; Leningrad: Sovetskiy pisatel'.

28. Gubanov, L.G. (2003) *"Ya soslan k Muze na galery..."* ["I was exiled to the Muse on the galleys..."]. Moscow: Vremya.

29. Bogdanovich, T.A. (1936) *Gornyy zavod Petra III* [Mining Plant of Peter III]. Moscow; Leningrad: Detizdat.

30. Zuev-Ordynets, M.E. (1966) *Khlopushin poisk* [The Search of Khlopusha]. Perm: Permskoe knizhnoe izdatel'stvo.

31. Zlobin, S.P. (1980) Salavat Yulaev: Istoricheskiy roman [Salavat Yulaev: Historical Novel]. In: Zlobin, S.P. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

32. Vlaskin, A.P. & Rudakova, S.V. (2021) Metasmysly zaglaviy romanov Dostoevskogo [Metameanings of the Titles of Dostoevsky's Novels]. *LibriMagistri*. 2. pp. 117–127.

33. Ivanova, O.I. & Dedyukhina, O.V. (2021) Tipologiya "unizhennykh i oskorblennykh" geroev v proizvedeniyakh F.M. Dostoevskogo i V.G. Korolenko [Typology of "humiliated and insulted" heroes in the works of F.M. Dostoevsky and V.G. Korolenko]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 6. pp. 465–470.

34. Ivanov, A.V. (2016) *Vily* [Pitchfork]. Moscow: AST.

Информация об авторах:

Коржова И.Н. – д-р филол. наук, профессор кафедры отечественной и зарубежной литературы Московского университета «Синергия» (Москва, Россия). E-mail: clean24@yandex.ru

Поль Д.В. – д-р филол. наук, профессор кафедры русской литературы XX–XXI веков Института филологии Московского педагогического государственного университета (Москва, Россия). E-mail: pol-d-v@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I.N. Korzhova, Dr. Sci. (Philology), professor, Synergy University (Moscow, Russian Federation). E-mail: clean24@yandex.ru

D.V. Pole, Dr. Sci. (Philology), professor, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: pol-d-v@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 19.07.2024;
одобрена после рецензирования 30.10.2024; принята к публикации 21.07.2025.*

*The article was submitted 19.07.2024;
approved after reviewing 30.10.2024; accepted for publication 21.07.2025.*